

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 5-15
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Tarkov Shamkhalate as a Form of Revival of Kumuk Statehood in the Post-Horde Period

Roza G. Bukanova ^{a, *}, Magomed-Pasha B. Abdusalamov ^b, Ilshat S. Igdavletov ^c, Sapiyulla M. Bagautdinov ^d

^a Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

^b Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation

^c Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

^d Anzhi-Kala Local History Society, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

This article, drawing on a wide range of sources, examines the history of the Tarkov Shaukhal, one of the little-studied state formations in the North Caucasus that emerged after the disappearance of the Ulus of Jochi from the historical arena. The authors address the highly controversial issue of statehood among the peoples who were under the rule of the Golden Horde and subsequently incorporated into the Russian Empire. The relevance of this topic is noted not only for Russian Caucasus studies but also for other regions experiencing the revival and establishment of statehood, where active efforts are underway to substantiate the legitimacy of newly acquired political status. The complexity of this research problem is due, on the one hand, to the methodological limitations of the theory of state and law, which fails to take into account the diversity of real political systems that do not fit into the classical model of the state. On the other hand, the regionalist approach, widespread in the post-Soviet space, is no less limited, preventing a common methodological approach to examining the formation of numerous new political centers after the collapse of the Golden Horde, taking into account their cultural and institutional specifics. This article utilizes a multifactorial approach that overcomes the isolation of Kumyk historiography and presents the processes that took place in the North Caucasus during the Golden Horde and post-Horde periods against a broad historical backdrop. Drawing on sources and recent achievements in Russian historiography, the authors conclude that the strong tradition of Kumyk political agency, preserved during the Golden Horde, contributed to the revival of their statehood in the form of the Tarkov Shaukhal State after its collapse.

Keywords: Golden Horde, Dagestan, Kumyks, Turks, Tarkov Shaukhal State, statehood, dynasty, Shaukhals.

1. Введение

Тарковское шаухальство – одно из многих государственных образований, которые появились после распада Золотой Орды. Ко второй половине XVI – первой половине XVIII вв. Тарковское шаухальство становится наиболее крупным кумыкским государством на Северном Кавказе, располагавшемся на предгорной и прикаспийской территории Дагестана – от р. Терек на севере до р. Башлы-чай (Бугам) на юге. В русских исторических документах XVI–XVII вв. оно известно как «Шамхальство», «Шевкальское

* Corresponding author

E-mail addresses: brg777.50@mail.ru (R.G. Bukanova),
vikingpasha@mail.ru (M.-P.B. Abdusalamov), barsbek28@mail.ru (S.M. Bagautdinov),
igdavlet@mail.ru (I.S. Igdavletov)

царство», «Шевкальская земля», «Шевкалы», «Кумыцкая земля» – от названия коренного населения «кумыки». В персидских источниках оно обозначалось как «Кумук».

Тарковское шаухальство представляло собой уникальную модель средневекового государства, отличавшегося от других государственных образований постордынской эпохи. Однако история кумыкского шаухальства, как и других моделей территориально-политической организации неевропейских народов раннего средневековья (орда, ханство, султанат, улус, юрт и др.) остается недооцененной. Современная теория государства и права, как и в советское время, продолжая оставаться в рамках европоцентристской парадигмы, еще не разработала методологию изучения поливариантных форм политической организации общества, не вписывающихся в каноническую схему государственности: «территория – население – централизованная система управления». Как следствие, в настоящее время государственные образования, существовавшие в разные исторические эпохи на территории Российского государства, стали предметом изучения регионалистики (Буканова, 2023: 3-6). Однако регионалистский подход, широко распространявшийся на постсоветском пространстве, не позволяет с общих методологических позиций рассмотреть образование новых политических центров после распада Золотой Орды с учетом их культурной и институциональной специфики.

В связи с заметным усилением евразийского контента в современной российской историографии закономерен интерес к истории государственных образований, возникших после распада Золотой Орды. Эта проблема актуальна не только для отечественного кавказоведения, но и других регионов и народов, которые длительное время находились под жестко централизованной властью чингизидов, но при этом не утратили потенциальную возможность возрождения собственной государственности на основе политико-правовых традиций Улуса Джучи в более позднее время (Ryskyldin, Asylguzhin, 2025: 1054-1055).

В данной статье поставлена задача: выявить взаимосвязь между упадком Золотой Орды и одновременным имманентным развитием кумыкских политических институтов. Образование и распад улусов империи Чингисхана, изменили всю политическую карту Евразии, приведя к образованию множества разнородных по своим характеристикам самостоятельных государств, в том числе и Тарковского шаухальства.

2. Материалы и методы

Кумыкская земля, которая располагалась на западном побережье Каспийского моря к северу от Дербента и через которую проходили традиционные трансконтинентальные торговые пути, представляла собой особый интерес в торгово-дипломатических отношениях Золотой Орды с Ближним Востоком. Как известно, архивы Улуса Джучи до нас не дошли, в связи с чем, источниковая база по теме данного исследования весьма ограничена. Она в основном представлена письменными нарративами тюрко-персидского и мусульманского происхождения (Рашид-ад-Дин, 1960; Оразаев, 2003; Мирзаев, 1957); историческими сочинениями и записками путешественников, относящимися к изучаемой эпохе (Карпини, Рубрук, 1911), а также другими документами, прямо или косвенно отражающими историю северокавказского региона в средневековую эпоху (Тизенгаузен, 1884; Тизенгаузен, 1941). Однако о кумыках домонгольской эпохи и периода перехода их под власть чингизидов сведений крайне недостаточно, что затрудняет выявление предпосылок образования Тарковского шаухальства и причинно-следственных связей между распадом Золотой Орды и возникновением шаухальства.

В средневековом сочинении итальянского архиепископа Иоанна де Плано Карпини «История монголов», в котором описывается его путешествие в Монголию в 1245–1247 гг., кумыки перечислены среди покоренных татарами народов. Кроме того, в нем впервые упоминается Тарки (Карпини, Рубрук, 1911: 35-36). Плано Карпини сам на Кавказе не был и, очевидно, принял Тарки за название одного из покоренных племен, получив сведения из сторонних источников. Тарки уже в то время был одним из главных городов кумыков. Некоторые авторы выдвигают предположение о том, что город Тарки при монголах являлся удельным владением ханов улуса Джучи.

Более полное описание прибрежных территорий Каспийского моря оставил монах Ордена миноритов Гильом де Рубрук. Его сведения отличаются большей достоверностью, так как миссия, возложенная на него французским королем Людовиком IX – получить достоверные сведения о христианских ханах Золотой Орды – требовала особой тщательности. Если Плано Карпини в основном описывает жизнь и быт татар, то Гильом де Рубрук в своих путевых дневниках за 1253–1255 гг. подробно излагает маршрут путешествия, характеризует физико-географические особенности земель, через которые ему пришлось проехать. Непосредственное общение с монгольскими ханами: Сартаком, ставка которого находилась на месте современной Астрахани, с Батыем, находившемся на территории Волжской Булгарии, с Великим Мангу-ханом в Каракоруме, безусловно, позволяло ему получать информацию из первых рук.

«У Батые есть еще брат, по имени Берка (Жегга), пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Батыю и проезжая через владения Берки, привозят ему дары» – пишет он (Карпини, Рубрук, 1911: 95). Под пастбищами и владениями Берке следует понимать покоренные монголами

кумыкские земли – это подтверждается современными исследованиями И.И. Ханмурзаева, Ю.М. Идрисова. Первоначально кумыкский улус принадлежал Берке, младшему брату хана Батыя, но в 1253 г. Батый отобрал его и присоединил к своим владениям (Ханмурзаев, Идрисов 2008: 123). Хан Батый скончался в 1256 г., после чего, очевидно, произошло перераспределение его земель между наследниками. По сообщению историографа Хулагуидского двора Рашид-ад-Дина Фазлуллаха, в конце XIII века землями «около реки Терека, у Дербенда» владел один из потомков Джучи-хана Тама-Токдай, командовавший передовым корпусом золотоордынского войска (Рашид-ад-Дин, 1960: 74). В приведенных нами источниках мы находим лишь косвенные свидетельства о территории проживания кумыков.

Некоторые сведения о кумыках и кумыкских шаухалах встречаются в «Книге побед» («Зафарнаме») персидского историка Шараф ад-Дина Али Йазди. Находясь при дворе сына Тамерлана Шахруха и внука Тамерлана Ибрагима-Султана, он был хорошо осведомлен о походах Тамерлана на Кавказ. Его данные позволяют предположить, что в эпоху Золотой Орды кумыки сохраняли определенную политическую самостоятельность, которую удалось отстоять даже в условиях жесточайшего террора, организованного в Дагестане завоевателем (Тизенгаузен, 1941: 184-186).

Несмотря на малочисленность средневековых источников, в совокупности они позволяют получить общее представление об истории народов Северного Кавказа, которые оказались в сфере политических интересов или в составе Золотой Орды. Сборники документов и материалов по истории Дагестана XVII–XVIII вв., опубликованные в советское и постсоветское время, содержат источники по поздней истории Тарковского шаухальства (Русско-дагестанские отношения..., 1958; Гаджиев, 1967; Письма и донесения..., 1990; История Шамхалов..., 2001; Алиев, 2004а, 2012b; Алиев и др., 2018). Их ретроспективный анализ дает возможность дополнить историю кумыков периода Золотой Орды.

В рассматриваемый период Северо-Кавказский регион представлял собой яркий образец сосуществования разных этнополитических образований, с уникальными культурно-историческими типами, сложившимися под влиянием крупных империй: Персидской, Османской, Золотой Орды, а впоследствии – Российской империи. Цивилизационный подход в сочетании с методами политической антропологии позволяют говорить о закономерности возникновения ранних государственных образований у кумыков, а междисциплинарный историко-географический подход как естественный принцип территориальной организации – раскрыть природно-географические, экономические и социокультурные параметры становления Тарковского шаухальства. Соответственно, в данной работе используются, как общенаучные, так и специальные, методы: исторические, историко-правовые, методы политической антропологии и другие. В ходе исследования источников по ранней политической истории кумыков авторы обращались к методам научной ретроспекции и герменевтики.

3. Обсуждение

Кумыки занимали очень важную в торгово-экономическом отношении территорию, а шаухальство как центральный элемент политической организации кумыков, входило в число ранних прибрежных государств Каспийского моря. Поэтому на фоне других раннефеодальных этнополитических образований Северного Кавказа история Тарковского шаухальства представляла и представляет собой большой научный интерес.

Как правило, присоединение новых территорий к России сопровождалось сбором исторических, географических и этнографических сведений. В трудах дореволюционных авторов XIX – начала XX в. (Р.А. Фадеев, Н.Ф. Дубровин и др.) появились первые сведения о шаухальстве. Уже в ходе Кавказской войны было установлено, что Кумыкская равнина занимает важное место в системе международных отношений в данном регионе.

В советской историографии, продолжившей исследование российских периферийных территорий, Тарковское шаухальство рассматривалось, либо в контексте международных отношений Московского государства, Османской империи и Сефевидской державы (Русско-дагестанские отношения, 1958), либо в связи с историей соседних государственных образований Восточного Кавказа (Ашурбейли, 1983). Кроме того, в рамках допустимого некоторые внутренние признаки государственности кумыков (структура социально-политической иерархии, титулы представителей власти, система судопроизводства и др.) не могли не найти отражения в фундаментальных историко-этнографических исследованиях (Гаджиева, 1961). При этом следует иметь в виду, что формационный подход как фундаментальная основа марксистско-ленинской методологии в области теории государства и права не позволял в полной мере признать Тарковское шаухальство как уникальное политическое наследие Улуса Джучи на Кавказе. Советским историкам, особенно провинциальным, был хорошо известен априоризм Ф. Энгельса, который считал, что «цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей» могла сыграть только Россия (Маркс, Энгельс, 1929: 209-212), блокируя тем самым потенциальную возможность постановки крупных исторических проблем на региональном уровне вне российского контекста. Поэтому основной комплекс научных работ по истории государственных образований на территории Дагестана создан в рамках современной немарксистской дагестанской историографии: в 90-х гг. XX в. – первой четверти XXI в.

Признание вариативности исторического процесса в постсоветской российской историографии, освобожденной от марксистских догм, расширило исследовательское поле: история шаухальства приобрела самостоятельное значение и стала одной из ведущих тем современного кавказоведения. Наиболее популярными вопросами, по-прежнему остаются: титулатура и генеалогия шаухальских правителей (Алиев, 2006; Богатырев и др., 2023), политические традиции и этническая характеристика региона, на фоне которой возникло шаухальство (Агларов, 1996; Агларов, 1988; Сулейманов, 2013; Гусейнов, 2020; Шиксаитова, 2023). В трудах последних десятилетий XXI в. (Кудрявцев, 2005; Хайдарбеков, 2012; Гасанов, 2014; Сулейманов, 2017; Горшенина, 2019) основное внимание авторов сосредоточено на вопросах включения кумыкских владений в орбиту внешней политики России, установления между российским правительством и кумыкскими правителями дипломатических, впоследствии – подданнических отношений, вплоть до полного вхождения последних в состав Российской империи. Одной из немногих работ, непосредственно относящихся к нашей теме, является статья И.И. Ханмурзаева и Ю.М. Идрисова, в которой ставится проблема образования кумыкского шаухальства. Затрагивая спорный вопрос о происхождении титула «шаухал», авторы явно склоняются к признанию его формирования в эпоху Золотой Орды (Ханмурзаев, Идрисов, 2008: 127).

Одной из характерных черт большинства исследований по истории шаухальства является тенденция к объяснению многих процессов политической истории преимущественно через внешнеполитические факторы. Авторы данной статьи намерены рассмотреть эту проблему с противоположных позиций, с точки зрения сохранения традиций государственности в исторической практике кумыкского народа, не утраченной даже в условиях пребывания под властью золотоордынских правителей.

4. Результаты

В древности и в средние века вдоль западного берега Каспия проходило одно из ответвлений Великого шелкового пути. Персы хорошо знали этот путь. Торговая фактория, появившаяся в середине первого тысячелетия нашей эры на узкой береговой полосе Каспийского моря, была названа персами Дербент – «запертые ворота». В VIII–X вв. торговые пути Каспийского бассейна контролировали арабы. Кроме того, существовали внутренние торговые маршруты Дагестана, тесно связанные с трансконтинентальными трассами. Через кумыкские земли – Кумух – проходила так называемая «дорога владений и народов» (Гасанов, 2005: 3-4).

Вся мировая история свидетельствует о том, что торговые пути способствовали возникновению городских центров и ранних форм государственности. Очевидно, у кумыков, находившихся на перекрестке торговых путей, вызревали ранние формы политической организации, однако эволюционный процесс окончательного формирования их государственности был прерван нашествием монголо-татар. Местные институты власти оказались достаточно устойчивыми, поэтому и в период господства Золотой Орды в Дагестане сохранялась внутренняя автономия, но в некоторых частях региона местные шаухалы были заменены ставленниками золотоордынских ханов.

Начало нового возвышения кумыкских правителей относится к концу правления двадцать пятого хана Золотой Орды Шадибека (1399–1407 гг.). Ханская власть к этому времени значительно ослабла, страной фактически управлял беклярбек Эдиге. В средневековой восточной хронике, вошедшей в научный оборот под названием «Аноним Искендера», о Шадибеке говорится, что «он был царем, ищущим спокойствия, желающим безопасности» (Тизенгаузен, 1941: 133-134). Судя по другим источникам, он предпочитал проводить время в развлечениях и не вмешивался в государственные дела. Тем не менее, в годы его правления удалось временно объединить все прежние улусы Джучиева дома, но впоследствии, потерпев поражение в соперничестве с Эдиге, Шадибек был вынужден искать убежища близ кумыкских земель: в Дербенте, у дербентского эмира Шейх-Ибрахима.

К этому времени потеряли свое влияние на прикаспийские территории и тимуриды. Поражение тимуридов в войне с туркменским племенем Кара-Коюнлу открыло кумыкам путь к независимости. Так, в 1408 г. при Сардруде в Южном Азербайджане войска кара-коюнлинского эмира Кара-Юсуфа нанесли сокрушительное поражение войскам Тимура под командованием его сына Миран-шаха. Последний был убит в бою, а Кара-Юсуф овладел Тебризом и всем Азербайджаном (Ашурбейли, 1983: 240-241; Мамедов, 1993: 129). Это, в свою очередь, привело к значительному ослаблению позиций золотоордынских ханов на восточном побережье Каспийского моря.

Источники, относящиеся к первой половине XV в. говорят о нестабильности и постоянных междоусобных войнах в Улусе Джучи. Так, египетский историк Бадр ад-Дин аль-Айни (у Тизенгаузена – Бадреддин Махмуд, сын Ахмеда, Элайни) писал, что в 1427 г. земли Дешт-и-Кипчака «были разстроены и в них (царствовала) большая неурядица между старшими эмирами» (Тизенгаузен, 1884: 533-534). Большая неурядица «в землях Дештских» усилила центробежные тенденции на окраинах Золотой Орды, чингизиды уже не могли удерживать контроль над окраинными территориями. В такой благоприятной обстановке, ближе к середине XV в. кумыкам, которые являлись наиболее сильной и организованной частью тюрков на Северном Кавказе, удалось создать собственное и относительно независимое государственное образование – шаухальство, во главе с шаухалом

(шамхалом) из династии местной аристократии. По сути, на смену шаухалам из чингизидской династии пришли шаухалы кумыкские. С этого периода начинается возвышение шаухалов Тарковских.

Время образования шаухальства по косвенным данным можно отнести к началу 40-х гг. XV века. Именно этот период характеризуется возникновением на обломках Золотой Орды ряда тюркских государств: Ногайской Орды, Большой Орды, Узбекского, Казахского, Сибирского, Астраханского и Крымского ханств. Обширные территории вдоль западного побережья Каспийского моря севернее Дербента вошли, как пишут И. И. Ханмурзаев и Ю. М. Идрисов, «в состав владения, известного в исторических источниках как Шаухальство». Авторы дату образования шаухальства не указывают, но отмечают тесные союзнические отношения шаухальства с Крымским ханством, возникшим в 1443 г. и основанным на общих традициях государственного устройства, культуры, религии (Ханмурзаев, Идрисов, 2008: 133-134). Учитывая высокую зависимость Крыма от Золотой Орды в отличие от Дагестана, где не было прямого управления со стороны ханской администрации, надо полагать, что Тарковское шаухальство не могло не появиться позже Крымского ханства. В то же время, очевидно, в нем в тот период еще не было сформировавшихся центральных государственно-политических институтов, как в Крымском ханстве. Кумыками последовательно управляли: тюркская (кипчакская с начала XII в.) династия, чингизидская – с момента установления господства монгольской империи и Золотой Орды, а после падения власти и распада последней – кумыкские правящие династии.

Что касается резиденции тарковских шаухалов, то единого мнения в дагестанской историографии не наблюдается. Если взять достаточно хорошо описанный период пребывания Тимура на Восточном Кавказе, то некоторые исследователи склонны полагать, что столицей шаухальства в то время был не Тарки, а Кази-Кумух, расположенный в Горном Дагестане. Однако анализ ряда сведений за XIV–XV вв. позволяет опровергнуть данное утверждение. Впрочем, о научной несостоятельности этой версии мы писали в ранее изданных нами работах, в которых показали аргументированную точку зрения, что незначительный и расположенный высоко в горах населенный пункт Кази-Кумух не мог претендовать на столицу шаухальства в указанный период (Богатырев и др., 2023: 39-53). Изученные нами источники позволяют утверждать, что даже в XIV–XV вв. нагорный Кази-Кумух не был крупным политическим центром. Он не обозначен также на старинных географических картах XV–XVII вв.: как правило, на картах того времени указывались столичные города и крупные центры. Мы считаем, что незначительный и, соответственно, малонаселенный Кази-Кумух был лишь укрепленным пунктом с гарнизоном воинов и летней резиденцией шаухала в Горном Дагестане.

В исторических хрониках периода монголов часто упоминаются лишь два города: Тарки и Дербент. Тарки и Дербент фигурируют также на известном Каталонском атласе мира 1375 г. (Егоров, 1977: 123). Должно быть, именно Тарки имел в виду Вильгельм де Рубрук, сообщая о некоем «замке аланов, принадлежавшем самому Мангу-хану» вблизи «Железных ворот» (Дербента). Здесь Рубрук допустил ошибку: этот «замок» не мог принадлежать аланам, он находился на кумыкской земле, так как он ранее сообщал о том, что «аланы на этих горах все еще не покорены». Более того, монголо-татары устраивали засады в ущельях, боясь того, что аланы могут спуститься с гор (Карпини, Рубрук, 1911: 169).

В конце XIV в. именно Тарки занимал центральное положение на кумыкской территории. Не случайно во время похода Тимура на Северо-Восточный Кавказ он стал одной из опорных баз Тимура и не был им разорен. В начале весны 1396 г., «переправившись по льду через реку Терек и придя в Тарки, Тимур отделился от обоза» и выступил против местных сил (Тизенгаузен, 1941: 185). И в последующем, в XVI–XIX вв., город Тарки оставался крупным административно-политическим и экономическим центром Северо-Восточного Кавказа, столицей шаухальства (Богатырев и др., 2023: 39-53). После ухода Тимура с Кавказа, Дербент становится пограничным городом между кумыками и империей тимуридов. По свидетельству венецианца Амброджо Контарини, в 1475 г. Дербент был пограничным городом Ширвана, и с севера от него начиналась «татарская степь» [т.е. земли кумыков. – Авт.] (Библиотека иностранных..., 1836: 79).

Одной из наиболее популярных тем кумыкской историографии является титулатура и генеалогия шаухальских правителей. Шамхал, как в русских источниках XVII в. (шавкал, шевкал, старший князь Кумыкской земли), так и в персидских и османских источниках, однозначно рассматривается как самостоятельный правитель, носитель наследственного титула. Однако предметом дискуссии является происхождение кумыкских шаухалов. Существует три версии происхождения шаухалов: исламская (арабская), монгольская и тюркская (кумыкская).

В вопросе о происхождении шаухалов, наиболее распространено мнение об арабском генезисе шаухалов. Считается, что шаухальство возникло в результате арабского завоевания Кумыкской земли Абу-Муслимом в 734 г. и принятия кумыками ислама. Эта версия подвергается серьезной научной критике и в настоящее время не актуальна в научной среде. Здесь надо понимать, что местные дагестанские исторические хроники, сообщавшие об арабском (курейшитском) происхождении династии, несут идею могущества и законности шаухалов и шаухальства. Идеинная общность между такими дагестанскими хрониками как «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи, «Дербенд-наме»

Мухаммеда Аваби Акташи и другими, заключается в том, что в них есть концепция, призванная возвысить шаухалов в глазах своих подданных. Включение же шаухалов в генеалогию прямых родственников пророка должно было идеологически укреплять власть кумыкских шаухалов. Версия об арабском происхождении была выгодна династии и духовенству: по всей вероятности, версия об арабском происхождении шаухалов была придумана самими ранними шаухалами с целью распространения и укрепления, как ислама, так и своего влияния среди подданных. Напомним, что при ханах Узбеке, Шадибеке и особенно при эмире Эдиге шла усиленная исламизация в Орде. Это служит одним из подтверждений, что в XIV в. шаухалы-чингизиды распространяли ислам в Дагестане, так как распространение религии тесно связано с развитием государственности и необходимостью консолидации подданных вокруг власти. Одним из ярких примеров распространения ислама шаухалами служит эпиграфическая надпись первой трети XIV в. из села Ашты (современный Дахадаевский район Республики Дагестан). Надпись гласит: «Эту мечеть построил Базац шамхал, сын Таза, с согласия войска (аскар) для людей зирихгеранских (Зирихкирани), когда те перешли в ислам из неверия. Не полагается им (впредь) выплачивать харадж и (не налагается) подношений даже размером с одно яйцо, – (это) с позволения правителя (ал-амир) и его брата Бутдая, да помилует их Аллах» (Мусаев и др., 2021: 1095). Распространение и укрепление ислама, продолжилось и после господства чингизидской династии.

Монгольская или татарская версия происхождения кумыкских княжеских родов и династий весьма противоречива. Прямых указаний на назначение шаухалов монголами не имеется, но есть некоторые данные ономастики: Чингиз-Шаухал, Шаухал-Хан, вероятно, распространенные в период господства чингизидов.

Обратимся к событиям турецко-персидской войны 1578–1590 гг., которые происходили непосредственно на территории Дагестана. Они нашли отражение в хронике османского летописца Ибрахима Рахимизаде, участника похода турков против Сефевидов на Кавказ. В 1578 г. турецкие войска во главе с Осман-пашой начали завоевание Ширвана и Южного Дагестана. В военных действиях османов против персов в 1578–1580 гг. принимал личное участие и чингизид, крымский хан Мухаммед Гирей II. Однако вскоре он выступил против Осман-паши, покинул фронт и, вернувшись в Крым, стал искать поддержки со стороны Речи Посполитой, России и даже Персии. Осман-паша, чтобы наказать непокорного вассала, в 1584 г. отправил в Крым войска и флот, доставивший назначенного пашой нового хана Крыма Ислам-Гирея. Мухаммед Гирей II бежал, но был настигнут и убит. О роли Осман-паши в этих событиях Ибрахим Рахимизаде пишет следующее: «Завоеватель Ширвана, покаранный (потомка) рода Чингиз-хана, покойный Осман-паша ...» (Гусейн, 2005: 167-168). Здесь мы видим, что Рахимизаде подчеркивает общеизвестный факт происхождения династии крымских ханов из рода Чингиз-хана. Судя по тому, что он не говорит о принадлежности кумыкского шаухала к чингизидам, то с уверенностью можно утверждать о существовании собственно кумыкской династии шаухалов. В этот период территория Тарковского шаухальства находилась в составе Османской империи, и Ибрахим Рахимизаде, безусловно, был хорошо осведомлен о политической ситуации в регионе.

Следует также обратить внимание на отсутствие убедительных сведений о принадлежности кумыкских шаухалов к династии чингизидов в российской исторической научной литературе, где собран богатый материал по истории чингизидов постордынского периода (XV-XVI вв.). В них так же нет сведений о том, что шаухалы происходили из рода Чингиз-хана. Этим, пожалуй, можно объяснить и отсутствие данных об участии кумыкских шаухалов в борьбе за золотоордынское наследие во время смуты в Орде в первой половине XV в. Поскольку претендовать на верховную власть в Орде могли лишь лица, принадлежавшие к так называемому «золотому роду». Согласно монгольской традиции, «любой не чингизид, претендующий на сан хана, признавался не просто обычным государственным преступником, а мятежником против воли Вечного Неба и подлежал немедленной казни» (Султанов, 2006: 229).

Тезис о чингизидском происхождении кумыкских шаухалов в основном фигурирует в поздних источниках, а именно в документах XVIII-XIX вв. Подобные данные приводят Мехмед-эфенди Вольнский, Ахмед Джевдет-Паша, Джамалутдин-Хаджи Карабудахкентский и некоторые другие авторы, находившиеся под влиянием золотоордынской генеалогической традиции. Мы полагаем, что информацию указанных авторов целесообразно отнести не к происхождению института шаухальства, а к смене династий. После того, как Кавказ был захвачен монголо-татарскими войсками, очевидно, произошла смена власти, и у кумыков стали править шаухалы-чингизиды. Об этом, к примеру, сообщали Замир Али Каев (Замир, 1990: 26) и Джамалутдин-хаджи Карабудахкентский (Оразаев, 2003: 60, 73). Более ранние источники о чингизидском происхождении шаухалов нам неизвестны.

Конец чингизидской династии шаухалов положил Тимур в 1396 г. во время военных действий в Дагестане. Как известно, шаухал одного из кумыкских владений пытался оказать ему сопротивление, но был сражен стрелой и обезглавлен (Йазди, 2008: 205). И судя по тексту персидского историка, современника Тимура, он, Тимур, оставил эту область (т.е. шаухальство) за местными эмирами, то есть шаухалами. Так, согласно Шереф ад-Дину Йазди, Тимур, «утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад» (Тизенгаузен, 1941: 186). При этом Тимур выдвинул условие, что они

будут «всегда воевать с врагами и держать обнаженный меч мести для утверждения ислама...». На что местные эмиры дали свое согласие (Тизенеггаузен, 1941: 186). Здесь мы видим, что, Тимур, решая вопросы престолонаследия у кумыков после гибели их правителя, шаухала из чингизидов, строго следовал династическому принципу и не нарушил его. Именно тогда в 1396 г. Тимур утвердил шаухала из местной среды, т.е. кумыкской аристократии. Таким образом, после смены чингизидской династии шаухалов к власти приходят шаухалы из местной феодальной верхушки князей и эмиров.

Впоследствии, по свидетельству ряда источников, шаухалы значатся как кумыкские правители. Так, русский купец Федот Котов, посетивший Тарки, сообщал, что шаухал «Илдырхан родом кумычанин» (Котов, 1958: 34, 70). В документах по русско-дагестанским отношениям в XVII в., правители шаухальства также названы «кумыцкими» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 31, 34, 62). Все они были носителями наследственного титула. Местная династия продолжала править до второй половины XIX в. – вплоть до упразднения шаухальства российским правительством в 1867 г.

В современном понимании одним из важных признаков государства является наличие институционально установленных границ. На ранних этапах формирования государства приоритетное значение придавалось не политическим границам, а территории формирования и расселения того или иного доминирующего этноса, о чем говорят названия большинства современных стран. Как правило, на взаимном признании этого фактора складывались добрососедские отношения с соседними народами. Безусловно, границы таких земель не были стабильными, что зависело от природно-климатических факторов, эпидемий, внешних военных вторжений, в результате которых завоеватели могли захватить лучшие территории. Поэтому источники разных эпох могут содержать разные сведения.

На территории Дагестана Тарковское шаухальство было не единственным государственным образованием. Например, в описании похода Тимура на Кавказ персидским историком Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами говорится о завоевании Тимуром «всех областей кумуков» (Тизенеггаузен, 1941: 123).

В рассматриваемое время Тарковское шаухальство располагалось на прикаспийской (Кумыкской) равнине с выходом к горным районам, занимая стратегическое положение между Дербентом, Ширваном и Северным Кавказом. Вместе с тем, имеются все основания полагать, что границы расселения кумыков в период и до распада Золотой Орды были более обширными, охватывая земли от Дербента на юге и до центральных областей Северного Кавказа на севере. Это подтверждается наличием кумыкской топонимики на значительной части территории Чечни, Кабарды, включая территорию современного Моздока. Источники XVI в. сообщают, что «шаухал, владелец многих земель лежащих между провинцией Ширван и владениями принца Искендера*, ... правит горной страной, турки называют Брус, – пересеченная местность, где снег лежит постоянно» (Россия и Европа..., 2007: 92). В пользу сказанного приведем замечание шамхала Сурхая III, который царскому правительству в 1650-е годы прямо заявлял: «...все Черкасы исстари дагестанские и шевкаловы» (Алиев, 2006: 86). Здесь же уместно процитировать и слова турецкого путешественника Э. Челеби, посетившего Северный Кавказ в XVII в. В частности, он отмечал: «Дагестан расположен у подножья горы Эльбрус и состоит из семи санджаков. Падишахов этих санджаков называют шамхал-ханами. Но хутба здесь читается и на дагестанского падишаха, который, однако, не владеет правом чеканить свою монету» (Челеби, 1979: 95, 97). В XV в. ядром шаухальства являлись личные владения шамхала, под которыми, без сомнения, подразумевались наилучшие земли (равнина и предгорья). А периферией (окраинами) шаухальства являлись зависимые или полузависимые бийлики, владения и области, которые управлялись наибами и родовой знатью.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что образование Тарковского шаухальства было закономерным явлением, так как основные институты государственности существовали на данной территории задолго до включения ее в состав Улуса Джучи.

5. Заключение

Историю Тарковского шаухальства следует рассматривать в контексте других государственных образований, появившихся в начале 40-х гг. XV века после падения Золотой Орды. Как правило, процесс образования новых государств после распада Улуса Джучи рассматривается однобоко: через призму возникновения политического соперничества и экономического упадка внутри самой Золотой Орды. Однако история образования Тарковского шаухальства показывает, что традиция кумыкской государственности имела глубокие исторические корни, основанные на эволюционном развитии кумыкского общества до монголо-татарского нашествия. На пересечении торговых путей и под влиянием Персидской, Османской и золотоордынской империй сформировалась уникальная модель средневекового государства, отличавшаяся от других государственных образований постордынской эпохи. Административным центром шаухальства был город Тарки, а сфера влияния тарковских шаухалов распространялась на равнины и предгорья Северного Кавказа. В XV-XVII вв. они контролировали в своих руках торговые пути, выходы из горных ущелий и подчинили себе соседние народы. В XVIII в., в результате Каспийского похода Петра I, Тарковское шамхальство со всеми его

* Имеется в виду кахетинский царь Александр II.

вассальными землями и засулакскими княжествами было присоединено к Российской империи, в составе которой просуществовало до середины XIX в.

Литература

- Агларов, 1996** – *Агларов М.С.* Политическая история Дагестана в XVII–XVIII вв. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1996. 412 с.
- Агларов, 1988** – *Агларов М.С.* Дагестан и Россия: очерки политических отношений XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 310 с.
- Алиев, 2004** – *Алиев О.Б.* Акты политической истории Дагестана XVIII века. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004. 528 с.
- Алиев, 2006** – *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия. Махачкала: Дагпресс-Медиа, 2006. 280 с.
- Алиев, 2012** – *Алиев О.Б.* Тарковское шамхальство в XVIII веке: документы и материалы. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 364 с.
- Алиев и др., 2018** – *Алиев О.Б., Абдулаев М.М., Гаджиев Г.Г.* Памятники истории и культуры народов Дагестана: документы и материалы. – Махачкала: Юпитер, 2018. 432 с.
- Ашурбейли, 1983** – *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: «Элм», 1983. 344 с.
- Библиотека иностранных..., 1836** – Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 603 с.
- Богатырев и др., 2023** – *Богатырев Э.Д., Абдусаламов М.-П.Б., Багаутдинов С.М.* «Казикумухское шамхальство: о правомерности употребления термина в дагестанской историографии» // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2023. Т. 15. № 4. С. 39–53.
- Буканова, 2023** – *Буканова Р.Г.* Исторический плюрализм как альтернатива европоцентристскому подходу в изучении истории и теории государства и права / *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф.* / ред.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швеиц, и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 3–6.
- Гаджиев, 1967** – *Гаджиев Г.Г.* Хроника Гази-Кумуха и Тарковского шамхальства. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 248 с.
- Гаджиева, 1961** – *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко этнографическое исследование. М.: Наука, 1961. 388 с.
- Гасанов, 2005** – *Гасанов М.Р.* Дагестан – перекресток международных путей (V–XV вв.) // *Вестник института истории, археологии и этнографии / Рос. акад. наук, Дагестанский науч. центр.* Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2005. № 3. С. 3–8.
- Гасанов, 2014** – *Гасанов З.М.* Политическая культура Дагестана в раннее новое время. Махачкала: ДНЦ РАН, 2014. 296 с.
- Горшенина, 2019** – *Горшенина С.* Кавказ в российской политике XVII–XVIII вв. М.: РОССПЭН, 2019. 368 с.
- Гусейн, 2005** – *Гусейн Фарах Адиль Кызы.* Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг. (по материалам трудов османского летописца Ибрахима Рахимизаде). Баку: «Нурлан», 2005. 216 с.
- Гусейнов, 2020** – *Гусейнов М.М.* Шамхальство в системе дагестанских политических образований. М.: Ламберт, 2020. 146 с.
- Егоров, 2020** – *Егоров В.Л.* География городов Золотой Орды // *Советская археология.* № 1. М.: «Наука», 1977. 327 с.
- Замир, 1990** – *Замир А.* Исторические очерки. Шамхалы // *Советский Дагестан.* Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. № 3–4. С. 20–26.
- История Шамхалов..., 2001** – История Шамхалов (рукопись XVIII в.) / публ., исслед. и прим. М.-С. Агларова. Махачкала: ЭПОС, 2001. 320 с.
- Йазди, 2008** – *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-наме. Ташкент: издательство журнала «SAN`AT», 2008. 486 с.
- Карпини, Рубрук, 1911** – *Карпини Иоанн де Плано.* История Монголов / Рубрук де Гильом. Путешествие в Восточные страны. СПб.: «Издание А.С. Суворина», 1911. 232 с.
- Кудрявцев, 2005** – *Кудрявцев А.В.* Россия и Дагестан в XVII–XVIII вв.: проблемы политической интеграции. М.: Академкнига, 2005. 280 с.
- Котов, 1958** – *Котов Ф.* Хожение купца Федота Котова в Персию в 1624 г. М.: «Изд-во Восточной литературы», 1958. 296 с.
- Мамедов, 1993** – *Мамедов А.С.* Азербайджан по источникам XV – первой половины XVIII вв. Баку: «Элм», 1993. 236 с.
- Маркс, Энгельс, 1929** – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание 1. Т. 21. Переписка 1844–1853. Под редакцией Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1929. 566 с.
- Мирзаев, 1957** – *Мирзаев А.М.* Дагестанские летописи XVIII века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1957. 290 с.

Мусаев и др., 2021 – Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 17. № 4. Махачкала, 2021. С. 1084-1129.

Оразаев, 2003 – Оразаев Г.М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии). Книга 1. Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2003. 332 с.

Письма и донесения..., 1990 – Письма и донесения русских воевод о Дагестане XVII–XVIII вв. / сост. М.-С. Агларов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1990. 260 с.

Русско-дагестанские отношения..., 1958 – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагестанское книж. изд-во, 1958. 336 с.

Рашид-ад-дин, 1960 – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: «Изд-во АН СССР», 1960. 253 с.

Россия и Европа..., 2007 – Россия и Европа глазами Орудж-Бека Баята-Дон-Жуана Персидского. СПб.: «Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та», 2007. 209 с.

Сулейманов, 2017 – Сулейманов М.О. Северо-Восточный Кавказ в системе политических отношений XVIII века. Махачкала: ДНЦ РАН, 2017. 302 с.

Сулейманов, 2013 – Сулейманов М. О. Тарковское шамхальство: формирование политической структуры. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2013. 244 с.

Султанов, 2006 – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: «АСТ МОСКВА», 2006. 445 с.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб: «Типография Императорской Академии наук», 1884. 554 с.

Тизенгаузен, 1941 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из персидских сочинений собранные В. Тизенгаузеном и обраб. А.А. Ромаскевичем, С.Л. Волиным. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 305 с.

Ханмурзаев, Идрисов, 2008 – Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальство в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе / *Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ*. 2008. Вып. 1. С. 122-136.

Челеби, 1979 – Челеби Э. Книга Путешествия. Вып. 2. М.: «Наука», 1979. 288 с.

Шиксаитова, 2023 – Шиксаитова А.С. Политические традиции Дагестана в эпоху раннего нового времени. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2023. 256 с.

Ryskyldin, Asylguzhin, 2025 – Ryskyldin A.Kh., Asylguzhin A.R. Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1052-1064.

References

Aglarov, 1988 – Aglarov, M.S. (1988). Dagestan i Rossiya: ocherki politicheskikh otnoshenii XVII–XVIII vv. [Dagestan and Russia: Essays on political relations in the 17th–18th centuries]. М.: Nauka. [in Russian]

Aglarov, 1996 – Aglarov, M.S. (1996). Politicheskaya istoriya Dagestana v XVII–XVIII vv. [Political history of Dagestan in the 17th–18th centuries]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]

Aliev i dr., 2018 – Aliev, O.B., Abdulaev, M.M., Gadzhiev, G.G. (2018). Pamyatniki istorii i kul'tury narodov Dagestana: dokumenty i materialy [Monuments of history and culture of the peoples of Dagestan: Documents and materials]. Makhachkala: Yupiter. [in Russian]

Aliev, 2004 – Aliev, O.B. (2004). Akty politicheskoi istorii Dagestana XVIII veka [Acts of political history of Dagestan of the 18th century]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]

Aliev, 2006 – Aliev, K.M. (2006). Shaukhali Tarkovskie. Kумыкская аристократия [The Tarkov Shaukhaly. Kumyk aristocracy]. Makhachkala: Dagpress-Media. [in Russian]

Aliev, 2012 – Aliev, O.B. (2012). Tarkovskoe shamkhal'stvo v XVIII veke: dokumenty i materialy [The Tarkov Shamkhalate in the 18th century: Documents and materials]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]

Ashurbeyli, 1983 – Ashurbeyli, S. (1983). Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI–XVI vv.) [The state of the Shirvanshahs (6th–16th centuries)]. Baku: Elm. [in Russian]

Biblioteka inostrannykh pisatelei, 1836 – Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii [Library of foreign writers about Russia]. Т. 1. St. Petersburg: Tipografiya III Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii. 1836. [in Russian]

Bogatyrev i dr., 2023 – Bogatyrev, E.D., Abdusalamov, M.-P.B., Bagautdinov, S.M. (2023). «Kazikumukhskoe shamkhal'stvo: o pravomernosti upotrebleniya termina v dagestanskoi istoriografii» [The Kazikumukh Shamkhalate: On the legitimacy of the term in Dagestani historiography]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 15(4): 39-53.

Bukanova, 2023 – Bukanova, R.G. (2023). Istoricheskii plyuralizm kak al'ternativa evropotsentristskomu podkhodu v izuchenii istorii i teorii gosudarstva i prava [Historical pluralism as an

- alternative to the Eurocentric approach in the study of history and theory of state and law]. Krasnodar. [in Russian]
- Carpini, Rubruck, 1911** – *Carpini, J. de Plano, Rubruck, W. de.* (1911). *Istoriya mongolov; Puteshestvie v vostochnye strany* [History of the Mongols; Journey to the Eastern countries]. SPb. [in Russian]
- Chelebi, 1979** – *Chelebi, E.* (1979). *Kniga puteshestviya* [Book of travels]. Vol. 2. Moscow: Nauka. [in Russian]
- Egorov, 1977** – *Egorov, V.L.* (1977). *Geografiya gorodov Zolotoi Ordy* [The Geography of the Cities of the Golden Horde]. *Sovetskaya arkheologiya*. № 1. M.: Nauka. P. 327. [in Russian]
- Gadzhiev, 1967** – *Gadzhiev, G.G.* (1967). *Khronika Gazi-Kumukha i Tarkovskogo shamkhal'stva* [Chronicle of Gazi-Kumukh and the Tarkov Shamkhalate]. Makhachkala: Dagknigoizdat. [in Russian]
- Gadzhieva, 1961** – *Gadzhieva, S.Sh.* (1961). *Kumyki. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Kumyks: A historical and ethnographic study]. M.: Nauka. [in Russian]
- Gasanov, 2005** – *Gasanov, M.R.* (2005). *Dagestan – perekrestok mezhdunarodnykh putei (V–XV vv.)* [Dagestan as a crossroads of international routes (5th–15th centuries)]. Makhachkala. [in Russian]
- Gasanov, 2014** – *Gasanov, Z.M.* (2014). *Politicheskaya kul'tura Dagestana v rannee novoe vremya* [Political culture of Dagestan in the early modern period]. Makhachkala: DNTs RAN. [in Russian]
- Gorshenina, 2019** – *Gorshenina, S.* (2019). *Kavkaz v rossiiskoi politike XVII–XVIII vv.* [The Caucasus in Russian policy of the 17th–18th centuries]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- Husein, 2005** – *Husein Farakh Adil Kyzy* (2005). *Osmano-sefevidskaya voyna 1578–1590 gg.* [The Ottoman–Safavid War of 1578–1590]. Baku: Nurlan. [in Russian]
- Huseinov, 2020** – *Huseinov, M.M.* (2020). *Shamkhal'stvo v sisteme dagestanskikh politicheskikh obrazovaniy* [The Shamkhalate in the system of Dagestani political entities]. M.: Lambert. [in Russian]
- Istoriya Shamkhalov..., 2001** – *Istoriya Shamkhalov (rukopis' XVIII veka)* [History of the Shamkhals (18th-century manuscript)]. Makhachkala: EPOS, 2001. 320 p. [in Russian]
- Khanmurzaev, Idrisov, 2008** – *Khanmurzaev, I.I., Idrisov, Yu.M.* (2008). *Problema obrazovaniya srednevekovogo kumykskogo gosudarstva Shaukhals'tvo v kontekste politicheskogo naslediya Ulusa Dzhuchi na Severnom Kavkaze* [The problem of the formation of the medieval Kumyk state Shamkhalate]. Kazan'. [in Russian]
- Kotov, 1958** – *Kotov, F.* (1958). *Khozhdenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu v 1624 g.* [Journey of the merchant Fedot Kotov to Persia in 1624]. M. [in Russian]
- Kudryavtsev, 2005** – *Kudryavtsev, A.V.* (2005). *Rossiya i Dagestan v XVII–XVIII vv.: problemy politicheskoi integratsii* [Russia and Dagestan in the 17th–18th centuries: Problems of political integration]. Moscow: Akademkniga. [in Russian]
- Mamedov, 1993** – *Mamedov, A.S.* (1993). *Azerbaidzhan po istochnikam XV – pervoi poloviny XVIII vv.* [Azerbaijan according to sources of the 15th – first half of the 18th centuries]. Baku: Elm. [in Russian]
- Marks, Engel's, 1929** – *Marks, K, Engel's, F.* (1929). *Sochineniya* [Collected Works]. Izdanie 1. T. 21. *Perepiska 1844–1853. Pod redaktsiei D. Ryazanova.* M.; L.: Gosizdat. 566 p. [in Russian]
- Mirzaev, 1957** – *Mirzaev, A.M.* (1957). *Dagestanskii letopisi XVIII veka* [Dagestani chronicles of the 18th century]. Makhachkala. [in Russian]
- Musaev i dr., 2021** – *Musaev, M.A., Shikhaliev, Sh.Sh., Shekhamagomedov, M.G.* (2021). *Rezultaty epigraficheskoi ekspeditsii v Dakhadaevskii raion Dagestana v 2020 g.* [Results of the epigraphic expedition to the Dakhadaevsky district of Dagestan in 2020]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 17(4): 1084-1129. [in Russian]
- Orazaev, 2003** – *Orazaev, G.M.-R.* (2003). *Istoricheskie sochineniya Dagestana na tyurkskikh yazykakh* [Historical works of Dagestan in Turkic languages]. T. 1. Makhachkala: Epokha. [in Russian]
- Pis'ma i donesenii..., 1990** – *Pis'ma i donesenii Pis'ma i donesenii russkikh voevod o Dagestane XVII–XVIII vv.* [Letters and reports of Russian governors about Dagestan in the 17th–18th centuries.]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. 1990. [in Russian]
- Rashid al-Din, 1960** – *Rashid al-Din* (1960). *Sbornik letopisei* [Compendium of chronicles]. T. 2. M.–Leningrad. [in Russian]
- Russko-dagestanskii otnosheniya..., 1958** – *Russko-dagestanskii otnosheniya XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Russian-Dagestani relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials]. Makhachkala. 1958. [in Russian]
- Ryskyldin, Asylguzhin, 2025** – *Ryskyldin, A.Kh., Asylguzhin, A.R.* (2025). *Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century.* *Bylye Gody*. 20(3): 1052-1064.
- Shiksaitova, 2023** – *Shiksaitova, A.S.* (2023). *Politicheskie traditsii Dagestana v epokhu ranego novogo vremeni* [Political traditions of Dagestan in the early modern era]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]
- Suleimanov, 2013** – *Suleimanov, M.O.* (2013). *Tarkovskoe shamkhal'stvo: formirovaniye politicheskoi struktury* [The Tarkov Shamkhalate: Formation of the political structure]. Makhachkala: Dagknigoizdat. [in Russian]

[Suleimanov, 2027](#) – *Suleimanov, M.O.* (2017). Severo-Vostochnyi Kavkaz v sisteme politicheskikh otnoshenii XVIII veka [North-Eastern Caucasus in the system of political relations of the 18th century]. Makhachkala: DNTs RAN. [in Russian]

[Sultanov, 2006](#) – *Sultanov, T.I.* (2006). Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and the Chinggisids: Fate and power]. M.: AST. [in Russian]

[Tiesenhausen, 1884](#) – *Tiesenhausen, V.G.* (1884). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Vol. 1 [Collected materials on the history of the Golden Horde]. SPb. [in Russian]

[Tiesenhausen, 1941](#) – *Tiesenhausen, V.G.* (1941). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Vol. 2 [Collected materials on the history of the Golden Horde]. M. [in Russian]

[Yazdi, 2008](#) – *Yazdi Sharaf ad-Din Ali* (2008). Zafar-name [Book of victories]. Tashkent: SAN'AT. [in Russian]

[Zamir, 1990](#) – *Zamir, A.* (1990). Istoricheskie ocherki. Shamkhaly [Historical essays. Shamkhals]. *Sovetskii Dagestan.* (3–4): 20–26. [in Russian]

Тарковское шаухальство как форма возрождения кумыкской государственности в постордынский период

Роза Гафаровна Буканова ^{a, *}, Магомед-Паша Балашович Абдусаламов ^b,
Ильшат Сулейманович Игдавлетов ^c, Сапиюлла Магомедович Багаутдинов ^d

^a Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова, Кокшетау, Республика Казахстан

^b Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация

^c Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Российская Федерация

^d Краеведческое общество «Анжи-Кала», Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников рассматривается история Тарковского шаухальства, одного из малоизученных государственных образований Северного Кавказа, появившегося после исчезновения с исторической арены Улуса Джучи. Авторы затрагивают острую дискуссионную проблему о наличии государственности у народов, находившихся под властью Золотой Орды и впоследствии инкорпорированных в состав Российской империи. Отмечается актуальность данной темы не только для отечественного кавказоведения, но и других регионов, где идут процессы возрождения и становления государственности, ведутся активные поиски путей обоснования легитимности вновь обретенного политического статуса. Сложность данной научной проблемы обусловлена, с одной стороны, методологической ограниченностью теории государства и права, которая не учитывает многообразия реальных политических систем, не вписывающихся в классическую модель государства. С другой стороны, не менее ограниченным является широко распространившийся на постсоветском пространстве регионалистский подход, который не позволяет с общих методологических позиций рассмотреть образование множества новых политических центров после распада Золотой Орды с учетом их культурной и институциональной специфики. В статье использован многофакторный подход, который дает возможность преодолеть обособленность кумыкской историографии и представить процессы, происходившие на Северном Кавказе в ордынский и постордынский период, на широком общеисторическом фоне. Опираясь на источники и достижения отечественной историографии последних лет, авторы делают вывод о том, что устойчивая традиция политической субъектности кумыков, сохранившаяся в период господства Золотой Орды, способствовала возрождению их государственности в виде Тарковского шаухальства после его распада.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дагестан, кумыки, турки, Тарковское шаухальство, государственность, династия, шаухалы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: brg777.50@mail.ru (Р.Г. Буканова),
vikingpasha@mail.ru (М.-П.Б. Абдусаламов), barsbek28@mail.ru (С.М. Багаутдинов),
igdavlet@mail.ru (И.С. Игдавлетов)